

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

САМОЕ СТРАШНОЕ ОРУЖИЕ —
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗУМ

**СМЕРТЬ
ДИПЛОМАТА**

Чингиз Акифович Абдуллаев

Смерть дипломата

Серия «Дронго», книга 101

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3745015

Смерть дипломата : роман / Чингиз Абдуллаев: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56997-7

Аннотация

В Баку посреди бела дня прямо перед посольством России убит французский консул Арман Шевалье. Беспрецедентный случай! Азербайджанские и российские спецслужбы в панике. Срочно надо найти убийцу, но где его искать? Ведь местным органам безопасности известно, что Шевалье работал сразу на несколько внешних разведок. Кроме того, Азербайджан – сфера интересов многих держав: России, Франции, США, Англии, Израиля, Ирана... Возможно, смерть дипломата – прекрасный повод к резкому обострению противоречий между этими странами. Тогда кому конкретно это выгодно? Спецслужбы Азербайджана не могут найти ответы на эти вопросы, и им ничего не остается, как пригласить к расследованию знаменитого эксперта Дронго...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Чингиз Акифович Абдуллаев

Смерть дипломата

*Если люди настолько плохи, обладая религией,
чем бы они были без нее?*

Бенджамин Франклин

*Догматизм в более узком смысле состоит
в том, что удерживаются односторонние
рассудочные определения и исключаются любые
противоположные мнения.*

Георг Гегель

Глава 1

Его заранее предупредили о возможной встрече. Позволил Виктор Андреевич Резунов, с которым Дронго был знаком уже много лет, и предложил встретиться, предупредив, что встреча носит конфиденциальный характер, поэтому лучше, чтобы она прошла без лишних свидетелей. Он попросил эксперта приехать в здание Министерства внутренних дел и провести эту встречу в своем кабинете.

Ровно в назначенное время Дронго вошел в кабинет Резунова. Там уже сидел незнакомый мужчина лет сорока пяти.

В темном костюме, лысоватый, с немного вытянутым носом, карими глазами и большими, прижатыми к черепу ушами. Незнакомец пожал руку Дронго и коротко представился:

– Дынин Иван Георгиевич.

– Меня обычно называют Дронго, – сказал эксперт.

– Я знаю, – улыбнулся Дынин.

– Садитесь, – предложил хозяин кабинета, устраиваясь за столом рядом с Дыниным.

– Вас можно поздравить? – заговорил Дронго, обращаясь к Резунову. – Вы получили звание генерала?

– Да, – кивнул тот, – хотя новой таблички на дверях у меня еще нет. Это ваше интуитивное мышление, или вы узнали новость у моего секретаря?

– Нет. Все гораздо проще. Когда оформлял внизу документы, оказалось, что я иду к генералу Резунову. Поздравляю вас, Виктор Андреевич.

– Спасибо, – ответил Резунов.

– А господин Дынин, очевидно, из ФСБ или СВР? – спросил Дронго. – Хотя я думаю, что, скорее всего, вы из Федеральной службы безопасности.

– Это вы тоже узнали внизу? – уточнил Резунов.

– Вы же сами предупредили меня о конфиденциальности встречи, – пояснил Дронго, – хотя визит в здание Министерства внутренних дел к генералу сам по себе должен носить достаточно конфиденциальный характер. Но в кабинете находитесь не только вы, но и ваш гость, поэтому, как я пони-

маю, меня пригласили сюда для того, чтобы мы могли переговорить по интересующему вас делу. А так как ваш гость явно не из полиции, то остаются еще два ведомства, которых могла заинтересовать моя персона, – СВР и ФСБ. Если бы вы были из Службы внешней разведки, то наша встреча наверняка состоялась бы в другом месте и при других обстоятельствах, даже если посредником выступил бы генерал Резунов. Внешняя разведка – такое ведомство, которое менее всего склонно сотрудничать с полицией, в силу закрытости этого учреждения. А вот генерал ФСБ мог бы спокойно приехать к своему коллеге, чтобы встретиться со мной в здании МВД. Или я не прав?

– Правы, – снова улыбнулся Дынин. – А почему вы решили, что я тоже генерал?

– В слове «тоже» уже заложен ответ. Виктор Андреевич подчеркнуто сел рядом с вами, невольно демонстрируя ваш статус. Если бы вы не были генералом, полагаю, Резунов остался бы на своем месте, разрешая нам беседовать за его приставным столиком, а не за этим длинным совещательным столом. Он только недавно получил генерала и, каким бы скромным человеком ни был, безусловно, испытывает чувство гордости за свою карьеру. В первые дни это чувство бывает особенно сильным.

Оба генерала, переглянувшись, рассмеялись.

– Я вас предупреждал, – напомнил Резунов, – он бывает непредсказуем и парадоксален.

– Ну, в данном случае это именно то, что нам нужно, – сказал Дынин, – поэтому мы и попросили вас выйти на господина эксперта.

– Что-то случилось? – заинтересованно спросил Дронго.

– Случилось, – кивнул Дынин. – Думаю, вы не обидитесь, если я спрошу вас, как давно вы были в Баку?

– Не обижусь. Я был в Европе и вернулся в Москву три дня назад.

– Вы были в Риме. – Дынин не спрашивал, это было утверждение.

– Я предпочитаю об этом не говорить, – нахмурился Дронго, – и вам не советую.

– У вас слишком громкая репутация, господин эксперт, – заметил Иван Георгиевич, – и уже многие знают, что вы живете на два дома – в Москве и в Баку, и только лишь для того, чтобы никто не узнал о вашем фактическом месте жительства под Римом вместе с вашей семьей.

– Я могу воспринять ваши слова как угрозу, – предупредил Дронго. – Очевидно, придется менять место проживания моей семьи.

– Надеюсь, что вы можете доверять ФСБ, – несколько обескураженно произнес Дынин.

– В подобных случаях лучше никому не доверять, – признался Дронго, – но давайте поменяем тему. Я услышал ваши слова и подумаю над ними. А теперь изложите причину, из-за которой вы хотели со мной встретиться. Очевидно, что-

то связанное с Баку? Из-за этого вы меня позвали?

– Странно, что вы не знаете, – пробормотал Дынин. – А может, знаете и не хотите говорить?

– Если речь идет об убийстве французского дипломата Армана Шевалье, то я видел это сообщение в Интернете, – невозмутимым тоном сообщил Дронго.

Дынин и Резунов снова переглянулись.

– Значит, вы догадывались с самого начала, зачем мы назначили эту встречу? – мрачно спросил Иван Георгиевич.

– Я догадывался, но в подобных случаях предпочитаю держать свои догадки при себе, иначе вы можете решить, что я намеренно приехал на нашу встречу, уже готовый к подобному разговору и, возможно, ангажированный третьей стороной.

– Вы действительно очень непростой человек, – вздохнул Дынин, – и мы действительно собираемся поговорить с вами по этому поводу. Две недели назад в Баку был убит французский дипломат, консул посольства Арман Шевалье. В тот момент, когда он выходил из российского посольства. Из нашего посольства. Как вы сами понимаете, это удар, в том числе и по престижу нашего государства, по его репутации. Мы вместе с нашими коллегами из Баку и Парижа делаем все, чтобы не раздувать этот инцидент, но такое неожиданное убийство, да еще при таких загадочных обстоятельствах, вызвало довольно большой резонансный интерес в мире. Мы очень хотели избежать его, как и довольно ненужных ком-

ментариев, которые тоже невозможно предотвратить.

– Да, уже поздно. Убийство французского дипломата показали по всем новостным каналам, – заметил Дронго. – Или об этом вы не знали?

– Конечно, знаем. В Баку начали специальное расследование по поводу этого громкого убийства. Они встретились с нашим послом и с послом Франции. На самом высоком уровне нас заверили в том, что сделают все для объективного расследования. Они создали довольно мощную следственную группу.

– Но вам этого мало, – подхватил Дронго. – И еще вы наверняка знаете о моих хороших отношениях с вашим послом.

– А как вы думаете? – сердито спросил Иван Георгиевич. – Конечно, знаем. Кстати, он тоже считает, что вы будете самой лучшей кандидатурой для расследования такого преступления.

– И вы хотите доверить эту важную миссию мне, не посылая туда собственных сыщиков? – покачал головой Дронго. – Позвольте вам не поверить.

– Мы просили разрешить нам послать туда своих специалистов, – быстро проговорил Дынин.

– Но вам пока не разрешили, – понял Дронго. – Все правильно, в Баку не хотят поступаться своим суверенитетом. Вы должны были понимать это с самого начала. Такой типичный сараевский конфликт четырнадцатого года.

– Я вас не совсем понял. При чем тут Сараево? Или вы считаете, что убийство французского дипломата может вызвать третью мировую войну?

– Сначала про Сараево. Сразу после выстрелов, когда погибли наследник престола Франц Фердинанд и его супруга, австрийская сторона предъявила свой ультиматум сербам. И те были готовы выполнить почти все условия ультиматума, лишь бы не доводить дело до войны, но Вена требовала, чтобы расследование проводили ее специалисты, а это было прямым нарушением суверенитета Сербии. В результате сербы отказались, Австрия объявила войну, ее поддержала Германия, сербов поддержала Россия, ну а дальше вы знаете... Насчет третьей мировой не уверен, хотя после событий в арабских странах мир может взорваться в любой момент.

– Зачем вы мне это говорите?

– Я почти уверен, что вы уже послали туда своего «специалиста» для негласного контроля за общей обстановкой, не дожидаясь, пока вам разрешат отправить туда официального представителя или представителей. Я не ошибаюсь?

– А как, вы считаете, мы должны были поступить? – вместо ответа спросил Дынин.

– Судя по тому, что вы не ответили на мой вопрос, вы действительно послали туда своего человека.

– Я не буду комментировать ваши предположения, – быстро произнес Иван Георгиевич, – вы должны сами понимать, что я просто не уполномочен отвечать на подобные вопросы.

– Но раз вы начали с рассказа об убийстве французского дипломата и решили принять меня в кабинете Виктора Андреевича, вызвав сюда для конфиденциальной беседы, можно догадаться, что вы хотите попросить меня отправиться в Баку и провести негласное расследование этого убийства?

– Вы правильно догадались, – кивнул Дынин. – Мы хотим попросить вас, как известного эксперта по вопросам преступности, провести самостоятельное расследование и найти возможного убийцу. Тем более что это в какой-то мере связано с нашим посольством.

– Думаю, не поэтому, – неожиданно сказал Дронго. – Давайте сразу и откровенно. Почему вас так волнует смерть французского дипломата? Только потому, что его убили в тот момент, когда он выходил из вашего посольства? Или есть другие причины?

– Вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов?

– Вы только что предложили мне поехать в Баку и провести собственное расследование. И, прежде чем согласиться, я должен понять, что именно там произошло. Почему такой интерес к убийству именно этого дипломата? Я могу узнать, какие причины заставляют вас проводить параллельное расследование, или это сверхсекретная информация? Вы ведь уже послали туда своего человека. И почти наверняка то же самое негласно сделали французы. И я не сомневаюсь, что в Баку сделают все, чтобы вычислить возможных убийц Ше-

валье. Это уже репутация государства. Но вам, похоже, этого мало. Я могу узнать – почему?

Дынин снова посмотрел на Резунова.

– Я предупреждал, что с ним будет сложно работать, – заговорил генерал, – но он прав. Ему нужна вся информация, Иван Георгиевич, иначе не вижу смысла его туда отправлять.

– К тому же сегодня пятница, – напомнил Дронго, – и, судя по нашей встрече, вы бы хотели, чтобы я поехал туда прямо сегодня.

– Вчера, – признался Дынин. – Мы хотели бы, чтобы вы были там еще вчера.

– Один момент, – перебил его Дронго. – Давайте уточним наши отношения с самого начала. Вы меня туда не отправляете, иначе я буду чувствовать себя почти вашим агентом. Попробуем правильно расставить акценты. Вы просите меня провести самостоятельное расследование по факту смерти французского дипломата. Все верно?

– Да, – кивнул Дынин.

– В таком случае объясните, почему вас так интересует данное убийство. Про ваше посольство я уже слышал, но это всего лишь повод для нашей беседы. Почему вас интересует именно этот дипломат и почему вы хотите, чтобы я туда поехал? Только не нужно рассказывать о том, что вас волнует смерть дипломата или репутация азербайджанского государства, я все равно не поверю. Мне нужно понимать степень вашей заинтересованности.

– Разве недостаточно того, что это произошло в Баку? – недовольно проговорил Дынин. – Сейчас Баку – один из самых интересных городов в мире. Такой своеобразный политический центр, где сосредоточены интересы великих держав. Достаточно сказать, что там одновременно есть американское, английское, французское, немецкое посольства, а также и иранское, иракское, турецкое, не говоря уже об израильском и российских посольствах. Такое своеобразное место, где сосредоточены интересы многих стран. А если вспомнить, что рядом находится Иран, в котором в любой момент могут начаться непредсказуемые события, степень нашей заинтересованности не должна вас удивлять. Не забывайте, что иранцы грозятся перекрыть Ормузский пролив, откуда проходит почти сорок процентов всей мировой нефти. А это уже непосредственно затрагивает интересы и нашей страны. И, между прочим, Азербайджана в первую очередь.

– Там не только все эти посольства, – задумчиво произнес Дронго, – там находятся и разведки всех перечисленных стран. Последний город шпионов в нашем веке. Уже не Вена, не Гонконг, не Западный Берлин, а именно Баку. Такое уникальное место, где можно одновременно встретить израильского и иракского, американского и иранского, турецкого и сирийского послов. Поэтому позвольте вам все равно не поверить. Вы не стали бы так рисковать, решив провести самостоятельное расследование. Ведь там уже находится ваш специалист. Кроме того, я почти уверен в том, что туда на-

верняка негласно послали и французского специалиста подобного профиля. Скажите честно, французский дипломат был вашим агентом? – Повисла напряженная пауза, которую нарушил сам эксперт, продолжив свои размышления: – Скорее всего, нет. Иначе вы не подпустили бы меня к подобному расследованию и на пушечный выстрел и этим делом занимались бы специалисты из Службы внешней разведки или Главного разведывательного управления Генштаба. Но вы настаиваете на проведении независимого расследования. Значит, дипломат был не совсем дипломат, или, точнее, не только дипломат. Я прав?

– Вы – умный человек, господин эксперт, и должны понимать, что я все равно не отвечу на подобные вопросы, – начал злиться Дынин.

– А я не поеду в Баку, – спокойно парировал Дронго. – Будем считать, что этого разговора не было. Вы никогда не найдете человека, который обладал бы подобными связями и возможностями, как ваш покорный слуга. И никто не сумеет провести независимое расследование вместо меня. Я думаю, что вы это прекрасно понимаете и именно поэтому решили пригласить меня сюда. – Он поднялся, собираясь уходить, но Дынин остановил его:

– Подождите, не уходите. Сядьте и успокойтесь. Не нужно шантажировать нас своим статусом. Я прекрасно знаю, с кем именно говорю. Вы ведь можете не только отправиться в Баку, но и при желании выехать в Тегеран, где будете поль-

зоваться особым уважением. Насколько я знаю, вы совершили все паломничества, которые должен совершить правоверный мусульманин, побывав в Мекке и Медине.

– У вас недостаточная информация, генерал, – усмехнулся Дронго, снова усаживаясь на стул. – Для иранских шиитов важно не только иметь статус хаджи, который получают мусульмане, совершившие паломничество в Мекку и обряд жертвоприношения. Ведь Иран – шиитское государство, и им важен еще и статус кербелаи, который я получил, посетив иракскую Кербелу, где похоронены зять Пророка и его сын, погибшие в боях за истинную веру. И еще статус мешеди, который получаешь, посетив уже иранский Мешхед. Добавьте сюда молитвы в мечети Аль-Акса, находящейся над Стеной Плача в Иерусалиме, которая считается особой мусульманской святыней, ведь, по преданиям, именно там провел последнюю ночь Пророк перед своим вознесением на небо.

– Не знал, что вы так религиозны, – заметил Дынин.

– Я – убежденный агностик, – признался Дронго, – что не мешает мне проявлять уважение к любой религии. Не только мусульманской, но и христианской, иудейской, буддийской. Каждая религия – это невероятная наука, на постижение которой может уйти целая жизнь. Но вернемся к нашему разговору. Вы сказали, что я могу поехать не только в Баку, но и в Иран. А французский дипломат был убит при выходе из вашего посольства. Какая связь с Ираном? Или все-таки такая связь есть и именно поэтому вы решили послать меня? Я

не поверю, что вы просто проговорились. Очевидно, вы сделали это намеренно.

Дынин снова быстро взглянул на Резунова, но тот только молча пожал плечами.

– Связь есть, – негромко произнес генерал контрразведки. – По нашим сведениям, французский дипломат тесно сотрудничал с иранцами.

– Настолько тесно, что был их агентом? – спросил Дронго.

Нужно отдать должное его собеседнику – он выдержал удар, лишь покачал головой, а после короткой паузы сказал:

– Вы делаете мою миссию почти невыполнимой. После нашего разговора вы можете неожиданно погибнуть в автомобильной аварии. Неужели вы этого не боитесь?

– Если бы боялся, я бы выбрал другую профессию, начал бы писать книги или рисовать картины, – парировал Дронго. – А я вам настолько нужен, что вы согласились рискнуть подобным образом. Итак, я прав?

– Вы должны понимать, господин эксперт, свое и мое положение, – мрачно произнес Дынин. – Если я подтверждаю ваше предположение и вы не соглашаетесь с нами работать, мне придется принять некие меры по сохранению нашего разговора в тайне.

– Значит, я прав, – вздохнул Дронго, – и этот ваш секрет Полишинеля уже всем известен. Теперь понятно, что именно поэтому все так запуталось. Можете молчать и не подтверждать мою версию. Французский дипломат работал на иран-

цев, и вы об этом знаете. У меня последний вопрос: знают ли об этом в Баку?

– Я не могу подтвердить вашу версию, – быстро ответил Дынин.

– Знают или нет?

– Я не могу...

– Они знают? – продолжал настаивать Дронго.

– Не задавайте вопросов, ответы на которые вам самому известны, – вмешался Резунов. – Если мы говорим здесь об этом, то наверняка об этом знает и кто-то другой. Вы сами говорили, что это секрет Полишинеля и...

– Вы согласны, – перебил хозяина кабинета Дынин, – найти убийцу? Нам нужно знать, кто именно убил французского дипломата. Это для нас самое важное. Мы готовы оплатить все ваши расходы. Но вы должны понимать, что нашего разговора никогда не было и при любых обстоятельствах мы не станем подтверждать ни темы нашей беседы, ни нашу просьбу о проведении частного расследования.

– Этого вы могли бы и не говорить. Но сразу договоримся, что я занимаюсь убийством, никакие политические игры меня не интересуют.

– Вы считаете, что можно избежать политики при проведении подобного расследования?

– Не считаю. Но на всякий случай предупреждаю вас.

– Вы должны понимать, господин эксперт, насколько сложная ситуация вокруг убийства французского диплома-

та, – сказал в заключение Дынин. – Только в случае самой крайней необходимости мы могли обратиться к вам.

– В этом я как раз не сомневаюсь, – согласился Дронго.

Глава 2

В течение нескольких лет он терпеливо воссоздавал одинаковую обстановку в двух квартирах – московской и бакинской, подбирая одинаковую мебель, занавески, обои, ковры, бытовую технику. Только картины – подлинники невозможно было приобретать в двух экземплярах или делать копии, поэтому лишь они отличали московское жилище от бакинского. Может, в этом сказывалось нежелание примириться с обстоятельствами распада той большой страны, в которой он жил больше тридцати лет и во имя которой рисковал своей жизнью? Может, он подсознательно пытался жить на два дома, как это было еще до распада девяносто первого года, который оказался огромной трагедией для большинства народов, населяющих большую страну.

Независимость народов была выстраданной и желанной, но кто подсчитал, какой кровью и страданиями она досталась многим республикам? Придумав подлый тезис о том, что распад большой страны обошелся без большой крови, виновники подобного развала пытались уйти от ответственности за миллионы людей, ставших беженцами, миллионы сломанных судеб и за десятки тысяч погибших.

В самом Азербайджане обретение независимости произошло в ходе карабахской войны, когда в республике оказалось более миллиона беженцев, а общие потери исчислялись ты-

сячами погибших и изувеченных. Несмотря на очевидные экономические успехи республики, благодаря хлынувшему потоку нефтедолларов, позволившему значительно поднять уровень жизни населения, модернизировать промышленность, повысить рентабельность сельского хозяйства, преобразить города и деревни республики, построить новые современные дороги, нерешенная карабахская проблема все еще сильно влияла на политическую обстановку в стране, продолжавшую балансировать на грани войны с соседней республикой.

Дронго прилетел в город поздним вечером и сразу отправился домой, чтобы принять душ, выспаться и прочитать всевозможные сообщения, появившиеся в местных газетах о смерти французского дипломата, происшедшей больше двух недель назад.

Консул французского посольства Арман Шевалье выходил из здания посольства Российской Федерации после встречи с российским консулом. Комплекс посольства находился на улице Бакиханова, и сквозь небольшую ограду можно было увидеть вышедшего из основного здания консула. Машины обычно оставались на улице, рядом с основным входом. Консул вышел из здания вместе со своим российским коллегой. Они пожали друг другу руки, и французский дипломат прошел к выходу. Миновав будку охраны, он вышел за ограду, подходя к ожидавшему его автомобилю. Когда консул открывал заднюю дверцу салона, в этот момент

прозвучали два выстрела. Стреляли из пистолета с близкого расстояния из проезжавшей мимо машины. Консул сполз на землю, а машина мгновенно исчезла. Один из сотрудников местной полиции, дежуривший у посольства, успел заметить ее номер, но проверка, проведенная местными органами контрразведки, показала, что этот номер был поддельным и числился за автомобилем одного из руководителей исполнительного комитета Насиминского района города Баку. Местные журналисты, узнав обо всех подробностях, с удовольствием опубликовали их в своих газетах.

Первым, кому Дронго решил позвонить, был его старый знакомый, с которым он вместе учился на юридическом факультете университета. Аслан Самедов уже больше двадцати пяти лет работал государственным советником прокуратуры, возглавляя следственное управление. Он приехал к другу в половине первого дня, благо была суббота, обрадованный его звонком и шумно выражая свою радость. Самедов был плотным, коренастым мужчиной с рано поседевшей головой. Во время учебы они занимались в одной группе, но сидели за разными партами. Самедов сидел впереди, а Дронго – на самой дальней парте. Он еще вчера подумал, что Дынин и его служба наверняка знали обо всех его прежних товарищах по юридическому факультету, прежде чем приняли решение предложить ему провести это расследование.

– Как хорошо, что ты приехал, – радостно и громко говорил Самедов. – У нас скоро намечается встреча всей нашей

прежней группой. Мы вообще часто собираемся вместе, но тебя почти никогда не бывает.

– Если бы вы могли меня заранее предупредить, я бы обязательно прилетал, – ответил Дронго.

– Тебя невозможно найти, ты ведь у нас известный эксперт. Говорят, смотришь на человека и сразу читаешь его мысли. Или что-то в этом роде. Я, правда, не очень верю в эти глупости, но все равно приятно.

– Читать мысли я не научился, – признался Дронго. – Пока не научился.

– А все остальное умеешь, – рассмеялся Самедов. – Вот интересно, что ты скажешь про меня? Я читал в Интернете, что ты можешь рассказать о человеке по мимике его лица, по выражению его глаз. Возможно, это действительно так, но однажды написали, что ты обращаешь внимание даже на язык своего собеседника. Интересно, что можно сказать по моему языку? – И Аслан шутливо высунул язык.

– В Интернете всегда полно всяких глупостей, – отмахнулся Дронго.

– Значит, я правильно решил, что там написали всякую чушь, – кивнул Аслан.

– Не совсем. Я уже сейчас могу сказать, что у тебя серьезные проблемы с желудочно-кишечным трактом и ты по-прежнему много куришь.

– Курю я действительно много, – согласился Аслан, – а насчет желудка от кого ты узнал?

– По твоему языку, – ответил Дронго, – он у тебя желтого цвета, с припухлостями по краям, какой бывает у курильщиков. И ты не просто курильщик, а, судя по бороздкам, разбросанным по языку, у тебя довольно серьезные проблемы с желудком, возможно, с пищеварением.

– Фокусник, – захохотал Самедов, – честное слово, фокусник. Неужели по языку можно столько узнать?

– Когда ты разговариваешь или смеешься, то слишком широко открываешь рот, и я невольно обратил внимание на твой язык, – объяснил Дронго, – еще до того, как ты мне его продемонстрировал. Так что никаких фокусов, это обычная наука. По языку можно определить состояние человека. Если язык бледный, это связано с недостатком нормального питания. Если красноватый, то, возможно, нарушено функционирование сердечной системы. Если синеватого цвета, это болезнь почек, если сероватый – возможно, заболевание пищеварительного тракта и так далее. Ты же профессиональный сыщик, должен об этом знать.

– Ты издеваешься, – нахмурился Аслан, – или сейчас это придумал?

– Я говорил только о цвете языка. А еще есть различия по цвету налетов на языке, по формам языков, по бороздкам на них...

– Хватит, я все понял. Демонстрируешь свою гениальность. Только не на мне, я и так тебе верю. И еще учти, что в наше время никому не нужны твои фокусы. Сейчас время

науки, техники и агентуры, которые сразу поставляют нужную информацию, помогая найти и разоблачить любого преступника. Не говоря о том, что на самом деле все решают только деньги, потому что купить можно любого. А ты все еще остался в прошлом веке.

– Голова нужна была в любое время, – пошутил Дронго, – или я ошибся и у тебя нет проблем?

– Есть, конечно. У кого их сейчас нет, – признался Аслан. – Врачи давно советуют мне бросить курить. Да и с желудком не все в порядке.

– Бросай курить, – согласился Дронго. – В Европе через несколько лет вообще запретят сигареты, можешь мне поверить. Их приравняют к наркотикам.

– Думаешь, так легко бросить курить? Тебе хорошо, ты никогда в жизни не курил. А я два раза пытался бросить, нет, даже три... И все равно ничего не получалось.

– Значит, плохо пытался. Что будешь пить?

– Только чай. У нас столько проблем... Тебе хорошо, ездишь по странам, никому не подчиняешься, гуляешь по всему миру. А у меня сроки по каждому расследованию, всегда неприятности со следователями, всегда споры с прокурорами. В общем, лучше не вспоминать.

– Зато ты – генерал. Государственный советник третьего класса.

– Глупости все это, – отмахнулся Аслан, – все эти чины и звания. Пустые побрякушки. Прокуроры в хороших райо-

нах зарабатывают больше меня, хотя ходят в полковниках. Самое главное – это деньги, которые ты получаешь, а все эти погоны и медали на самом деле никому не нужны.

– Идем на кухню, – пригласил Дронго, – ты совсем не меняешься с годами.

Уже на кухне он заварил чайник с зеленым чаем и разлил его в две большие кружки. Они сели за столик.

– Надолго приехал? – спросил Аслан.

– На несколько дней.

– Тебе нужно здесь остаться хотя бы на две недели. Мы как раз через две недели собираемся.

– Если получится, останусь, – пообещал Дронго.

– А ты сделай, чтобы получилось.

– Я хотел узнать, что у вас здесь произошло с убийством французского консула, – приступил к главному Дронго.

– Ну да, конечно. Поэтому и прилетел, – ухмыльнулся Аслан. – Не думай, что мы провинциалы и ничего не понимаем.

– Я так не думаю.

– Мы уже две недели ждем разных гостей, – признался Самедов, – а ты у нас международный эксперт и наверняка хочешь узнать про это убийство. Весь мир только о нем и говорит, как будто других новостей сейчас нет. Если бы ты знал, как нам все это надоело.

– Могу себе представить. Не каждый день убивают дипломатов, тем более в Баку. Насколько я знаю из Интернета, Ба-

ку – самый спокойный город из всех столиц стран СНГ. Здесь совершается меньше всего преступлений.

– А ты разве не знаешь, что в свое время сделал Гейдар Алиев? – снова заулыбался Самедов. – Он дал всем «ворам в законе» срок, чтобы покинуть республику, и поручил лично министру внутренних дел проконтролировать этот процесс. Многие уехали, но некоторые не поняли или не захотели понять. А послушаться Гейдара Алиева было нельзя, он не тот человек, который будет шутить или на предостережения которого можно не обращать внимания. Оставшихся преступных авторитетов просто перестреляли, и на этом все сразу закончилось. Он навел почти идеальный порядок. Ты вечером пойди на бульвар и посмотри. Там люди гуляют почти до утра и ничего не боятся. Я не говорю, что у нас идеально работает полиция, но в нашем городе меньше всего уголовных преступлений.

– А французского дипломата застрелили, – напомнил Дронго.

– Чтоб он сдох еще раз, – недовольно проговорил Самедов. – Ты бы знал, как нас трясут из-за этого убийства. В прокуратуре создали специальную группу, в которую вошли лучшие специалисты нашего Министерства национальной безопасности и Министерства внутренних дел. Проверяем всех, кого можно и кого нельзя. Ты не поверишь, но в группе больше тридцати человек. Даже есть представитель из МИДа – Парвиз Мирза-заде. Руководитель службы протокола. Та-

кой деятельный человек, все проблемы с их министерством решает за одну минуту. И вообще всем организациям приказано оказывать нам посильную помощь.

– А кто руководитель группы?

– Назначили Кулиева. Ты его должен помнить, он был на два курса старше нас. Меджид Кулиев, он сейчас уже генерал, считается одним из наших лучших следователей, хотя и работал всю жизнь в Министерстве национальной безопасности.

– И за две недели вы ничего не нашли?

– Как это не нашли, – возмутился Самедов, – еще как нашли. Машину, на которой были перебиты номера и из которой стреляли. Оказывается, ее угнали как раз перед убийством. Нашли пистолет, из которого стреляли. Выяснилось, что оружие было у кого-то из командиров агдамского батальона и еще в девяносто третьем пропало. Ну, тогда кругом такой бардак царил, что неудивительно. Судя по всему, в машине сидели двое. Водитель и стрелявший убийца. Сейчас мы пытаемся их найти. В полиции задействовали всю агентуру, всех предупредили, что дело чрезвычайной важности и нужно найти этих мерзавцев, которые нас так опозорили.

– И все?

– Нет, не все. Если бы ты только знал, как мы намучились с этим французским консулом. Арман Шевалье оказался типом с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Можешь себе представить? О чем они думают, когда посылают

к нам таких дипломатов?

– У них подобная ориентация в порядке вещей, – улыбнулся Дронго, – во многих странах Европы даже разрешены однополые браки. И там не принято скрывать свои сексуальные предпочтения. Ты, наверное, не помнишь, но одним из первых французских послов был мсье Гинют, который тоже не очень скрывал свою ориентацию. Умница, блестящий знаток культуры, поклонник классической музыки. Он, кстати, приехал в Баку со своим другом и не видел в этом ничего зазорного.

– Эти европейские нравы в конце концов утвердятся и у нас, – махнул рукой Самедов. – Просто безобразие! Как можно разрешать однополые браки!

– Все ясно. Ты у нас – блюститель старых традиций.

– Нет, просто я нормальный человек, который не любит гомосексуалистов и лесбиянок. И я не понимаю, как можно разрешать их браки в цивилизованной стране.

– Только не говори так при иностранцах, иначе нас никогда не примут в единую Европу...

– И пусть не принимают. Пошли они все...

– Должен тебе сказать, что во всем мире сексуальная ориентация уже не является чем-то предосудительным. Министр иностранных дел Германии и лидер свободных демократов откровенно говорит, что живет со своим другом. Мэры многих столиц западноевропейских государств тоже не скрывают своих пристрастий. Сейчас уже неприлично осуж-

дать за это людей.

– Что ты такое говоришь? – испуганно произнес Аслан. – У тебя ведь жена, дети. Неужели ты готов защищать этих извращенцев?

– Я готов их понимать, – возразил Дронго. – Мы знакомы с тобой уже много лет, и ты прекрасно знаешь, что я всегда любил женщин...

– Вот именно...

– Но с годами начинаешь понимать, что свобода не может быть ограничена чужими взглядами или суждениями. Если двое людей хотят любить друг друга, то никто не вправе осуждать их. Никто.

– Ты сошел с ума! – покачал головой Самедов. – Так можно оправдать и педофилов, и маньяков, и извращенцев.

– Нет. Педофилы и маньяки – это люди с отклонениями...

– А гомосексуалисты и лесбиянки, значит, нормальные люди? По-моему, ты совсем чокнулся, – убежденно произнес Аслан. – Ты знаешь, что наши местные гомосексуалисты по вечерам собирались как раз недалеко от российского посольства? И мы очень серьезно отрабатываем эту версию. Возможно, французского дипломата убили именно на этой почве.

– Вам так хочется, чтобы его убили именно из-за этого, – возразил Дронго, – а отрабатывать нужно все версии.

– Мы их и отрабатываем. Не надо считать, что мы ничего не умеем; и мы не заиклились на этой версии, только боим-

ся, что повод может быть совсем другой, и тогда найти преступника будет практически невозможно...

– Какой повод?

– Ты же знаешь, какие сейчас отношения у Франции с Турцией. Французский парламент рассмотрел и одобрил законопроект, по которому даже отрицание геноцида армян в начале века будет считаться уголовным преступлением. Такая своеобразная «свобода слова» в твоей просвещенной Европе. Попробуй высказать иную точку зрения, и тебя сразу посадят в тюрьму. Конечно, этот законопроект вызвал массу протестов со стороны турков, которые мы, безусловно, поддерживали...

– И вы считаете, что французского консула могли убить из-за этого законопроекта?

– Психопаты есть везде, – вздохнул Самедов. – Возможно, один такой ненормальный оказался и среди наших людей. Решил продемонстрировать свое несогласие с французской политикой...

– Это не тот случай, – сразу возразил Дронго. – Тогда нужно было стрелять в посла, а не в консула, и не ждать, пока он выйдет из российского посольства, и уж тем более не перебивать номера на угнанной машине. Здесь действовал не психопат, а конкретная организация, которая провела операцию по убийству дипломата.

– Наши сотрудники тоже так считают, – кивнул Самедов, – но мы пока отрабатываем все версии, и я уверен, что

скоро найдем этих придурков, которые решили убить дипломата. Такой удар по репутации нашего государства! Вот и ты приехал наверняка для того, чтобы узнать новости. Хотя обо всех новостях сейчас пишут в газетах. Когда в следственной группе столько людей из разных ведомств, ничего скрыть невозможно. И еще сюда понаехали сыщики из различных стран.

– Какие сыщики?

– Разные. Из Москвы прислали своего сыщика – Виталия Никитина. Думали, что мы ничего не узнаем. А наша контрразведка сразу сообщила, что он – полковник следственного управления и много лет работал в Федеральной службе безопасности России. Нужно быть дураками, чтобы не понять, зачем он так срочно прилетел в российское посольство.

– Ты сказал, сыщики. Ты имел в виду нас двоих или еще кого-то?

– Не только вас. Французы прислали своего «комиссара Мегрэ», который тоже пытается уточнить, как убили этого Шевалье. Жан-Поль Лелуп. Нужно еще придумать такую фамилию – Лелуп! Но он тоже прилетел сразу после убийства их дипломата и тоже проявляет ненужную активность и явный интерес к этому убийству. Как будто мы сами не хотим найти преступника.

– Больше никто?

– Американцы тоже активизировались. Но у них здесь сидит официальный представитель ФБР, которая и занимается

убийством Шевалье.

– Женщина?

– Гендерное равенство, – вздохнул Аслан, – тоже новые веяния. Андреа Пирс. Такая стерва, каких еще поискать. Можешь себе представить, что она упорно не говорит ни на каком языке, кроме английского, хотя мы точно знаем, что она работала с турками и должна как минимум понимать азербайджанский. А недавно выяснилась вообще смешная вещь. В доме, где она снимает квартиру, на верхнем этаже работали слесари, которые что-то перемудрили с трубами, и, когда дали сильное давление, лопнула труба. В результате ее затопило, а потом вода пошла вниз, на нижний этаж. Андреа прибежала к соседям и начала на прекрасном русском языке кричать, что это – кошмар, ее затопили. Вот так с помощью одного плохого слесаря можно разоблачить офицера ФБР, – улыбнувшись, добавил Самедов.

– Всем нужно понять, кому понадобилось убийство дипломата, – согласился Дронго. – А другие посольства никого не вызывали?

– Тебе мало этих троих? Они могут купить здесь любых свидетелей и узнать гораздо больше, чем вся наша следственная группа. Но мы, конечно, работаем на опережение.

– И все-таки в другие посольства никто не приезжал?

– По-моему, нет. Во всяком случае, нам ничего подобного из МНБ не сообщали. И из МИДа мы тоже никаких сообщений не получали. Почему тебя так интересует это убийство?

Ты тоже приехал сюда расследовать смерть Шевалье? Только не отпирайся. Наверное, тебя прислал Интерпол или специальный комитет экспертов ООН.

– Ты уверен, что других «сыщиков» здесь больше не появилось? – настойчиво повторил Дронго.

– Почти на сто процентов. Мы все-таки умеем работать. Все службы обязаны нам сообщать обо всех приезжающих или уезжающих после убийства Шевалье иностранцах. Мы знаем обо всех перемещениях. И все-таки зачем ты приехал? Тоже расследовать убийство французского консула? Если бы ты знал, как он нам всем надоел, – повторил Самедов. – А твой приезд – это сюрприз для всей нашей следственной группы. Они уже знают, что ты прилетел, еще вчера позвонили из аэропорта и сообщили. Я же тебе сказал, что мы установили жесткий контроль на границе за всеми въезжающими и выезжающими. Значит, решили прислать и такого известного специалиста, как ты. Только заранее предупреждаю, что у тебя ничего не получится. Ты просто ничего не успеешь. Мы сами завершим расследование и найдем убийцу.

– Не сомневаюсь, – сказал Дронго. – Правда, учти, что среди стольких сыщиков может оказаться кто-то более проныцательный, чем вся ваша группа.

– Который умеет определять состояние человека по языку? – снова расхохотался Самедов. – Ничего страшного, мы не боимся конкуренции. Постараемся опередить всех наших гостей, включая и тебя самого.

Они просидели за столиком еще около часа, но уже больше не говорили об этом деле. Дронго обратил внимание, что его гость ни разу не упомянул про иранское посольство, на которое работал погибший. Отсюда следовало два вывода: либо следственной группе не удалось установить то, что знали в Москве о работе Армана Шевалье на иранскую разведку, либо они знали и сознательно скрывали, отработывая именно этот след как самый важный и самый многообещающий. Но спрашивать об этом нельзя, Аслан и так справедливо подозревал его, считая, что он прибыл именно для расследования убийства французского дипломата. Оставалось самому выяснить – знали ли о связях Шевалье в Баку? После этого разговора с другом Дронго понял, насколько сложной и непредсказуемой стала ситуация вокруг этого убийства. Теперь нужно было срочно встретиться с российским послом, поэтому сразу после ухода Аслана он позвонил в российское посольство.

Глава 3

Известная русская пословица гласит, что первый блин бывает обычно комом, зато все остальные должны получиться. Однако в случае с послами Российского государства, прибывающими в Баку, все было как раз наоборот. Первым послом был грузин Вальтер Шония, который прекрасно знал местные обычаи, традиции, порядки, долгие годы работал в Турции и соответственно понимал и говорил на азербайджанском. Следующие послы запомнились несколько иначе. Один оказался настолько непрофессиональным, что вызывал смех своим воинствующим невежеством и ограниченностью. Ради справедливости стоит отметить, что подобным образом он «отличался» и в других странах, где служил, а в конце своей дипломатической службы завершил ее настоящим скандалом, просто объявив о своем увольнении и уходе с должности посла. Когда ему предлагали приехать на встречу в Союз писателей или в Академию наук, он искренне удивлялся, заявляя, что он – не писатель и не академик, поэтому не понимает причин своего приглашения. Случайно попав в дипломаты, он запомнился своим дремучим невежеством. Другой, тоже «специалист» из первой демократической волны, никогда не работавший профессиональным дипломатом, отличался тем, что регулярно проигрывал в казино крупные суммы денег и умудрялся брать займы у всех,

кто готов был ему одалживать, включая зарубежных послов и местных чиновников. Для репутации великой страны подобное поведение было не совсем приемлемым.

Прибывший в Баку Владимир Дорохов был профессиональным дипломатом, всю сознательную жизнь проработавшим на дипломатическом поприще. Любитель классической музыки, прекрасно знавший мировую культуру, почитатель русской поэзии, особенно любивший Пастернака, он не просто отличался от прежних послов. Сдержанный, умный, обладавший чувством меры и хорошо знающий предмет своей профессии, он достаточно быстро завоевал авторитет и уважение в городе. С Дронго они подружились почти сразу, едва речь зашла о русской поэзии, которую оба так любили. Для начала Дорохов прочел любимое стихотворение Пастернака, а Дронго продекламировал Мандельштама, затем посол вспомнил Вознесенского, а его собеседник поэму Евтушенко «Братская ГЭС», где были стихи о Степане Разине, которые оба считали выдающимся произведением. Так они и подружились, поддерживая друг с другом приятельские отношения уже несколько лет. Дорохов знал, почему Дронго так срочно прилетел в Баку. Он был одним из тех, чье мнение сочли решающим в выборе подходящего эксперта на такую необычную роль.

Сегодня была суббота, и Дорохов предложил встретиться в его резиденции, куда Дронго приехал ближе к четырем часам вечера. Он не любил садиться за руль, это отвлекало его

от мыслей, и во всех трех городах, где он жил, у него были свои водители. Многие уже знали, что он предпочитал шведские машины «Вольво» всем остальным, хотя в Баку это была почти непозволительная роскошь, слишком дорогие запасные детали иногда приходилось ждать неделями.

В резиденции посла, кроме самого Дорохова, оказался еще один неизвестный мужчина – высокого роста, широкоплечий, коротко стриженный, в очках, одетый в темный костюм и рубашку без галстука. Дронго пожал ему руку.

– Вы, видимо, Никитин, – сказал он, не ожидая, пока неизвестный представится, – а меня обычно называют Дронго.

– Вам уже рассказали обо мне, – понял полковник Никитин.

– И не один раз, – признался Дронго. – Сначала в Москве, где, правда, ничего про вас не сказали, но не стали скрывать, что, возможно, здесь уже есть их специалист, а потом в Баку, где уже прекрасно знают кто вы и зачем приехали.

– Это не такой уж большой секрет, – усмехнулся российский посол. Он был высокого роста, худощавый, подтянутый и тоже в очках, внешне походивший скорее на профессора истории или литературы, готового немедленно начать лекцию в подходящей аудитории.

Они прошли за стол.

– Я знал, что ты приедешь, и хотел вас познакомить, – сказал Дорохов, обращаясь к Дронго.

– А я догадывался, что ты меня обязательно захочешь познакомиться с приехавшим следователем, – признался гость.

– Тем лучше, – кивнул посол, – значит, вы оба знаете, что здесь произошло, и представляете, какой резонанс в мире вызвало убийство французского дипломата.

– Кто с ним встречался? – сразу спросил Дронго.

– Я, – ответил с секундной заминкой Дорохов.

– Значит, был кто-то еще, – убежденно произнес Дронго.

– Ты догадался или тебе сказали? – уточнил посол.

– Просто я внимательно следил за твоим лицом.

– Интересно, что именно вы увидели? – улыбнулся Никитин.

– Это не так интересно, все в пределах обычного наблюдения.

– И тем не менее, – настаивал полковник.

– Расскажи ему о своей феноменальной наблюдательности и невероятной памяти, – предложил Дорохов. – Можете мне не поверить, Виталий Константинович, но однажды он в присутствии польского посла наизусть продекламировал всю поэму Евтушенко.

– Просто мне она нравилась. Это во-первых. Во-вторых, ты ответил с секундной заминкой, затем часто заморгал. При этом твои нижние веки поднялись и под ними образовались морщинки. Еще ты чуть наморщил лоб, щеки немного поднялись кверху, а это уже выражение некоего отвращения в сочетании с твоим нежеланием меня обманывать. У тебя

приподнялась верхняя губа, а нижняя немного опустилась, как бы надувшись, что выдает и твое негативное отношение к убитому. Или я неправ?

Дорохов взглянул на сидевшего рядом Никитина, и тот, рассмеявшись, иронично произнес:

– Значит, вы у нас современный Шерлок Холмс.

– Нет. Просто я юрист и психолог. И эти два образования мне очень помогают в жизни, – признался Дронго, – помогают в моих расследованиях. Ну, еще и логика, которую никто не отменял. Посол не будет встречаться с консулом в здании своего посольства один на один, без присутствия собственного консула. Не говоря уже о том, что они вообще не должны встречаться. Строгий дипломатический этикет означает, что консула в вашем посольстве должен был принимать консул. Но его принимал посол, и явно не один. Отсюда вопросы: почему состоялась такая встреча и кто еще был на ней, кроме самого господина посла?

– Ты ведь наверняка знаешь, кем именно был этот Шевалье, – заметил Дорохов, – думаю, тебе об этом сказали. Либо в Москве, либо здесь.

– Не очень хотели говорить, но сказали, – кивнул Дронго. – Иначе я отказывался сюда лететь. Насколько я понял, у погибшего были очень тесные связи с иранским посольством?

– Правильно поняли, – ответил Никитин. – Мы подозреваем, что он работал с ними в довольно тесном контакте.

– И за это его убили?

– Пока это лишь одна из версий. Разве вам не сказали об этом ваши друзья в Баку?

– Нет. Как раз эту версию официальный Баку не захочет даже обсуждать. Иран слишком беспокойный и опасный сосед, чтобы обнародовать подобную сенсационную новость. Не хочу уточнять, но все-таки спрошу: вы уверены, что ваши сведения точны?

– Более чем. Шевалье раньше работал в Иране и был связан с ними еще с конца восьмидесятых годов, когда шла ирано-иракская война, а он являлся представителем фирмы, поставлявшей Ирану оружие.

– Тогда логично сделать вывод, что его убрали американцы или израильтяне, – высказал свою версию Дронго.

– Это возможный вариант, – согласился Никитин, – но тогда обязательно встает вопрос: чем он им так помешал? О его сотрудничестве с иранцами знали практически все. Он немолод, ему было пятьдесят шесть лет, и никакой особой опасности не представлял, если не считать лоббирование французских компаний в Иране и иранских интересов во Франции. Я убежден, что и французская контрразведка прекрасно была осведомлена о связях Шевалье с иранцами. Более того, возможно, даже поощряла подобные связи в пику американцам. Зачем убивать такого человека, рискуя вызвать грандиозный скандал и привлечь к этому внимание огромного количества людей?

– Израильтяне традиционно не доверяют иранцам, – напомнил Дронго. – Недавно в Иране был убит уже третий ученый, занимающийся проблемами создания ядерного оружия. Насколько я знаю, в самом Иране убеждены, что это дело рук израильской разведки.

– Ядерная программа Ирана тревожит не только израильтян, – вставил Дорохов, – но и остальные страны, особенно американцев.

– А убитый Шевалье не имел к этому абсолютно никакого отношения, – добавил Никитин, – он поставлял морские катера, амуницию и дубинки для полицейских, но никак не был связан с поставками плутония или какого-то оборудования для ядерной программы Ирана. В этом мы как раз абсолютно убеждены.

– Тогда нужно продумать другие версии, – предложил Дронго. – Если вы так уверены, что французская контрразведка знала о сотрудничестве Шевалье с иранцами, то можно ли предположить, что сами французы захотели устранить проштрафившегося дипломата? Или это слишком невероятная версия?

– Репутация государства, – напомнил Никитин. – Они бы не стали убивать его в Баку, просто отозвали бы обратно во Францию и уволили бы с дипломатической службы. И тем более не стали бы убивать его у нашего посольства.

– Тогда сами иранцы? Такую версию можно предположить?

– Во всяком случае, она более реальна, чем все остальные, – вздохнул Никитин, – хотя бы потому, что иранцы могли догадаться, что Шевалье не просто их агент, а работает на них с полного согласия французских спецслужб. Такие вещи на Востоке не прощают. Здесь не любят людей, работающих на нескольких господ. Они могли принять решение о физическом устранении Шевалье. Но здесь опять возникают ненужные вопросы. Иранцам очень не хочется портить с нами отношения, ведь Россия и Китай пока остаются постоянными членами Совета Безопасности ООН и не позволяют американцам навязывать свои воинствующие планы в отношении Ирана, налагая вето на любые подобные проекты. Зачем иранцам убивать своего агента у нашего посольства? И второй вопрос. Зачем им еще такие неприятности с Францией, которая тоже является постоянным членом Совета Безопасности ООН и не всегда выступает консолидированно с американцами и англичанами? Достаточно вспомнить, как французы и немцы вели себя во время вторжения американцев в Ирак. Они ведь тогда не поддержали своих заокеанских союзников.

– Да, это правильно, – задумчиво согласился Дронго, – я неплохо знаю руководителя иранского Министерства разведки и безопасности Хаджи Гейдара Мослехи. Это очень умный и осторожный человек, который умеет просчитывать все варианты на несколько ходов вперед. Он бы не стал действовать таким образом, чтобы подставить своих агентов или

свою страну.

– Вот поэтому все сейчас пытаются выяснить – кому и зачем нужно было убийство Армана Шевалье, – сказал Никитин, – и поэтому было принято беспрецедентное решение о вашем привлечении к расследованию этого преступления. Вы ведь отлично сознаете, что никогда и ни при каких обстоятельствах наше государство не могло пригласить вас для расследования убийства дипломата, происшедшего в Баку, у нас достаточно и своих специалистов. Но это как раз тот случай, когда нужно было сделать исключение. Нам крайне важно понять, что именно происходит. Убийство французского консула – это удар по Ирану, по французам или по престижу нашего государства? Ведь его убили в тот момент, когда он выходил именно из нашего посольства.

– Ты понимаешь, как все запуталось? – добавил Дорохов. – В такой большой клубок, где переплелись интересы великих держав. И это накануне резкого обострения американо-иранских отношений. Сейчас важно выяснить, кто стоит за этим убийством, и как можно быстрее. Это важно не только для нас, но и для всех остальных заинтересованных сторон.

– Значит, на твоей беседе с Шевалье были еще и третьи лица? – спросил Дронго у российского посла.

– Лгать не хочу, а правду все равно не скажу, – ответил Дорохов, – поэтому лучше не спрашивай.

– Но они были, – настаивал Дронго, – и, очевидно, разго-

вор был достаточно важным, если ты решил принять французского консула, явившегося сюда для беседы.

– Важным, – согласился Дорохов. – И ты думаешь, что его убили из-за этого разговора со мной?

– Уверен, что нет, – ответил Дронго.

– На чем базируется ваша уверенность? – уточнил Никитин.

– Сколько продолжалась ваша беседа? – вместо ответа задал вопрос Дронго, обращаясь к послу.

– Около часа, – сказал Дорохов.

– Вот вам и ответ. Убийцы готовились к этому преступлению заранее, и в течение часа они не могли бы разработать такой подробный план преступления. Нужно было угнать подходящую машину, найти и перебить номера, подготовить оружие. Все это за один час сделать практически невозможно. Значит, убийство было запланировано, и приход Шевалье в российское посольство стал лишь удобным моментом, или поводом, смотря какие причины вызвали его убийство. Но в любом случае смерть дипломата – это не результат его беседы с российским послом. В этом вы можете не сомневаться.

– С чего вы собираетесь начать расследование? – поинтересовался Никитин.

– Я его уже начал. Но вы мне мешаете, – честно ответил Дронго. – Мне было бы гораздо удобнее, если бы ты, Владимир, рассказал, с кем и о чем говорил погибший.

– У каждого государства свои секреты, – возразил Дорхов. – Ты должен меня понять. И не обижаться.

– Учитывая, что меня попросили о помощи ваши спецслужбы, ты мог быть со мной более откровенным, – пробормотал Дронго. – Но ничего страшного, я все прекрасно понимаю. Постараюсь узнать, что об этом убийстве думают в Баку и насколько далеко они продвинулись в расследовании преступления.

– А вы еще не знаете? – спросил Никитин. – Неужели, прилетев сюда, вы еще ни с кем не встречались?

– «У каждого государства свои секреты», – иронично напомнил Дронго. – Учитывая, что расследованием заняты мои хорошие знакомые, я просто не имею права разглашать всю информацию, которую могу получить от них. Но мне интересно другое. Этим убийством сразу заинтересовалась российская сторона, что понятно, все-таки убийство произошло при выходе из вашего посольства. Очень заинтересовались французы, что тоже понятно, ведь убит их дипломат. Конечно, не остались в стороне и американцы, которые вообще считают этот стратегический район сферой своих особых интересов. Хотя, по большому счету, они считают сферой своих интересов весь земной шар... Все это понятно. Но почему тогда не прислали в Баку своих специалистов иранские спецслужбы, ведь они должны были сделать это в первую очередь? Или их и без того так много в Баку, что нет нужды в отправке дополнительных специалистов, или они знают об

этом убийстве немного больше, чем все остальные?

– Мы не думали об этом в таком контексте, – нахмурившись, признался полковник, – но, очевидно, нам придется выходить на господина Хаджи уль-Ислами Гейдара Мослехи, чтобы проверить ваши предположения.

– Значит, вы о нем тоже слышали, – удовлетворенно заметил Дронго. – Тем лучше. Я думаю, что вас иранцы не считают такими откровенными врагами, как израильтян и американцев.

– Надеюсь, – пробормотал Никитин.

– Ты должен понимать важность расследования этого убийства, – настойчиво повторил Дорохов. – В нашем случае дорог каждый день, каждый час. Нужно быстро просчитать и понять, кто и зачем убил французского дипломата. В таких условиях, когда здесь рядом в любой день может начаться большая война, у нас уже нет ни времени, ни желания дискутировать.

– Ты так и не скажешь мне, о чем и с кем он разговаривал? Хотя бы на какую тему?

Дорохов покачал головой. Было понятно, что он все равно не скажет.

– Это тоже один из вариантов ответа, – вздохнул Дронго, – и достаточно убедительный.

Он еще не знал, что на улице, в двадцати пяти метрах от его машины, стоит другой автомобиль, в котором двое неизвестных терпеливо ожидают, когда он выйдет из здания.

Глава 4

Когда Дронго вышел из резиденции посла, было уже темно. Он подошел к своему автомобилю и уже садился в салон, когда из машины, стоявшей недалеко от них, вылез незнакомец. Водитель Дронго тревожно обернулся назад:

– Они стоят здесь уже давно. У меня с собой есть оружие.

– Какое оружие? – устало спросил Дронго.

– Мой пистолет. Вы же сами оформляли мне на него разрешение два года назад в нашей полиции, – удивился водитель.

– Убери пистолет, – нахмурился Дронго, – если бы они хотели меня застрелить, то не стали бы ждать, пока я сяду в машину.

Незнакомец подошел к ним и постучал в стекло, наклоняясь к сидевшему на заднем сиденье Дронго. Тот опустил стекло и спросил:

– Что вам нужно?

– Простите нас, – подчеркнуто вежливо сказал подошедший, – мы хотели попросить вас проехать вместе с нами.

Ему достаточно было заговорить, чтобы Дронго и его водитель улыбнулись. Скрыть фарсидский акцент, даже разговаривая по-азербайджански, было практически невозможно. Сразу стало понятно, какую страну представляет незнакомец.

– Куда поехать? – поинтересовался Дронго.

– В наше посольство. Советник посла агаи Нафиси хотел бы с вами побеседовать, если, конечно, вы согласитесь с нами поехать.

– Я поеду на своей машине, а вы поезжайте следом, – предложил Дронго, – хотя уже достаточно поздно.

– Он ждет вас, – подчеркнул незнакомец.

– Тогда поедem, – согласился Дронго.

– Вы знаете, куда ехать?

– Это мой родной город, – усмехнулся Дронго, – а в вашем посольстве раньше был мой детский сад.

– Простите, что там было? – не понял незнакомец.

– Поедем. Это не так важно, – кивнул Дронго.

Иранское посольство находилось в ста метрах от здания Баксовета, и в начале шестидесятых в этом старинном двухэтажном здании действительно был детский садик. Позже, в конце шестидесятых, именно в нем было решено открыть генеральное консульство Ирана. Через четверть века после обретения независимости консульство стало посольством. Наверное, незнакомый сотрудник иранского посольства посчитал, что его собеседник просто шутит. Откуда ему было знать, что Дронго говорил правду.

К зданию посольства они подъехали в девятом часу вечера. Незнакомец первым выскочил из своей машины, ожидая Дронго на мраморных ступеньках посольства.

«Как странно, – подумал Дронго, – прошло больше сорока

лет. Все изменилось, и я снова вернулся в дом своего детства. Я был совсем маленьким, когда отец впервые привел меня сюда. Сколько мне тогда было? Три или четыре года? Даже немного смешно».

Неизвестный провел его в довольно просторную комнату на втором этаже. За столько лет здесь многое изменилось. Кажется, в этой комнате располагалась средняя группа. Или он путает? Он точно помнил, что при входе был длинный коридор с индивидуальными ячейками для детей. На каждой ячейке приклеен запоминающийся фрукт, чтобы маленькие дети, еще не умевшие читать, могли отличать свою ячейку от чужой. На его ячейке были две вишенки, это он помнил очень хорошо. Сейчас коридора уже не было: очевидно, за столько лет здесь сделали несколько реконструкций и перепланировок.

В комнате его ждал мужчина лет сорока пяти. Среднего роста, густые седые волосы, аккуратно подстриженные седые бородка и усы, внимательные темные глаза, большой запоминающийся лоб. Рукопожатие его оказалось достаточно крепким.

– Я – Зохраб Нафиси, советник посольства, – представился он. – Можете не называть своего имени, я и так знаю, с кем имею честь говорить.

Он показал на стул, стоявший у небольшого столика. Первым уселся гость, на второй стул сел Нафиси.

– Мне известно, что вы говорите на фарси, – продолжил

разговор советник, – и, конечно, мне удобнее говорить именно на нашем языке. Но я готов разговаривать с вами на азербайджанском или вы хотите говорить только по-русски?

Дронго усмехнулся. Намек был более чем очевиден, ведь его забрали от резиденции российского посла, с которым он был на «ты» и куда нанес свой первый визит.

– Я думаю, что вам, уважаемый агаи Нафиси, будет сложно говорить на чужом языке, которым вы, безусловно, хорошо владеете, – сказал он по-фарсидски, – поэтому разговаривать будем на вашем языке.

В бакинском диалекте много фарсидских слов, которые используются в разговорной речи, и многие жители столицы понимали фарсидский. Дронго, выросший в Баку, разумеется, хорошо говорил по-фарсидски и по-турецки. Последний почти не отличался от азербайджанского.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответил Нафиси.

В комнату внесли чайник, два грушевидных стакана с блюдечками, которые назывались «армуды», что в переводе означало «груша», так как такая форма стакана позволяла ему долго сохранять тепло, вазочку с вареньем и две розетки с ложечками. А также тарелочку с мелко нарезанными дольками лимона.

– Попробуйте варенье, – вежливо предложил Нафиси, – оно из лепестков розы.

– Нет, спасибо.

– Я могу попросить принести другое варенье, например,

из арбузных корочек, кизила, белой черешни или грецких орехов. Какое вам больше нравится?

– Не сомневаюсь, что у вас большой выбор. – По восточным понятиям, нельзя было сразу приступать к основной теме беседы, это считалось невежливым. – Но я не ем сладкого, даже чай пью без сахара, чтобы не поднимался уровень сахара в крови.

– Разве у вас с этим проблемы? – удивился Нафиси.

– Пока нет. Но если буду злоупотреблять сладким, могут появиться. У меня очень нервная работа, уважаемый агаи.

– Да, – согласился советник, – вы должны себя беречь. Такой известный эксперт, как вы, обязан заботиться о своей безопасности, не только о повышении сахара в крови.

Это было предупреждение. Пока только изысканное восточное предупреждение. Нужно знать фарсидский язык и понимать тонкости восточного этикета, чтобы оценить его.

– Надеюсь, что это не самая страшная опасность, которая мне угрожает, – в тон ему ответил Дронго, – особенно в вашем посольстве.

Он обязан был сообщить своему собеседнику, что не рассматривает свой визит в иранское посольство как возможную угрозу его безопасности.

– И мы очень надеемся, – ласково улыбнулся Нафиси, соглашаясь с гостем. – Вы, наверное, удивлены моим неожиданным предложением встретиться со мной и нашей настойчивостью?

– Мой водитель сказал, что ваши люди ждали довольно давно. Значит, вы либо следили за моей машиной, либо заранее знали, что я поеду в резиденцию российского посла.

– Какая разница, как именно мы вышли на вас. Нам очень хотелось увидеться с вами и обязательно переговорить. Полагаю, вы догадываетесь, зачем мы вас так настойчиво искали.

В переводе речь Нафиси звучала достаточно сухо, а на фарсидском более напыщенно и цветисто, при этом он успевал все время говорить комплименты своему гостю. Фарсидский язык – один из самых красивых языков мира, и традиционно считается, что именно на нем поэзия звучит особенно проникновенно.

– Я жду продолжения, – вежливо кивнул Дронго, – ведь мои знания должны умножиться в результате ваших объяснений.

– Итак, вы уже знаете, что примерно две недели назад был застрелен французский дипломат, выходивший из российского посольства. Не буду скрывать, что он был другом иранского народа и нашего государства. У нас не так много друзей, понимающих нашу истину в этом сложном мире. И, конечно, нам очень неприятно, что французский дипломат погиб у российского посольства.

– Им тоже это не особенно приятно, – согласился Дронго.

– Разве может быть приятно, когда вашего гостя убивают у порога вашего дома, – спросил Нафиси, отпивая чай. – На-

верное, мы были бы очень огорчены, если бы вас вдруг застрелили в тот момент, когда вы покинете наше посольство.

Это снова было предупреждение. Или скорее угроза. Нужно было ответить на нее немедленно. И ответить без ненужной рисовки и глупой смелости, которая в данном случае выглядела бы немного смешно.

– Я уверен, что со мной ничего не может случиться в здании вашего посольства, под защитой ваших людей. К тому же все происходит по воле Аллаха, а я, как вам наверняка известно, совершил все ритуалы, положенные мусульманину при жизни. И стал соответственно хаджи, кербелаи и мешади, совершив молитву в мечети Аль-Акса. Все происходит по воле Аллаха, но убивший меня человек сразу попадет в ад, – ответил Дронго.

– Это похвально, что вы такой верующий. – Нафиси взял чайник и долил себя чая. Дронго успел выпить свой чай, поэтому Нафиси налил и ему. – Я не думал, что вы сохранили такую истинную веру в своей душе.

– А разве вы не сохранили? – простодушно удивился гость.

Нафиси торжествующе улыбнулся. Кажется, ему понравилось, как изящно переигрывает его гость.

– Мы – верующие мусульмане, и мы оба правоверные шииты, – напомнил он, – но мы живем в мире, населенном безбожниками или служителями Иблиса, которые не верят в чистоту наших помыслов.

«Иблис» на восточных языках означает «дьявол».

– Да, это проблема, – согласился Дронго, – но русские люди постепенно возвращаются к Богу, и у них в посольстве даже есть своя икона.

– Поэтому они прислали сюда полковника Никитина, – радостно сообщил Нафиси. Счет сравнялся, он знал про специалиста, которого прислали из Москвы. Кажется, эта игра даже доставляла ему удовольствие.

– Все совершается по воле Всевышнего, но люди должны бороться за его истину, – парировал Дронго.

– Конечно, должны, – подтвердил Нафиси, – но нас очень беспокоит, что такой положительный человек, как мсье Шевалье, погиб от руки бессовестного и безбожного убийцы.

– И поэтому вы решили пригласить меня к себе, чтобы узнать, о чем мы говорили с Никитиным и российским послом? – прямо спросил Дронго, несколько нарушая обычное течение восточной беседы.

– Я не сказал, что вы встречались в резиденции российского посла с агаи Никитиным, – напомнил Нафиси. Они оба балансировали на грани скрытых намеков и угроз.

– Им тоже неприятно, что подобное убийство случилось при выходе из их посольства, – сказал Дронго, – и, судя по всему, ваши люди видели, как Никитин приехал в резиденцию посла за несколько минут до меня, поэтому сообщили вам, что я с ним встречался.

– Они ничего не видели. Мы могли только предполагать,

что вы должны будете встретиться с приехавшим следователем.

– Ваши предположения оказались правильными, – кивнул Дронго. Оба подняли стаканы, пробуя уже остывающий чай.

– Это убийство всех нас очень взволновало, – пояснил Нафиси, взяв ложечкой с розетки варенье, – и мы считаем, что наши русские коллеги поступают правильно, попросив вас провести независимое расследование.

– Разве я говорил вам об этом?

– Нам не нужно ничего говорить, уважаемый агаи эксперт. Если такой известный человек, как вы, неожиданно приезжает в Баку и сразу встречается с российским послом, когда там находится полковник Никитин, мы можем сделать соответствующие выводы.

Дронго улыбнулся. Все-таки они внимательно следили за его перемещениями и, возможно, за перемещениями приехавшего Никитина. Интересно, сколько человек работает в их посольстве? И сколько людей в городе у них может быть задействовано? Иранцам гораздо легче. Здесь живут тысячи их соотечественников, и еще многие могут появиться здесь без визы. Ведь ирано-азербайджанские соглашения позволяют гражданам обоих государств посещать соседние страны без визы.

– Не сомневаюсь, что вы сделали верные выводы, – произнес он.

– И не только мы. Французы тоже озабочены убийством

своего дипломата и прислали сюда мсье Лелупа, – любезно сообщил Нафиси.

Он играл в открытую, выдал всю информацию, которую должен был скрывать, и говорил чуть громче, чем обычно говорят его соотечественники. Дронго взглянул на дверь за спиной дипломата. Возможно, в другой комнате есть кто-то другой, который слышит их беседу. И именно с его разрешения Нафиси так откровенно разговаривает с гостем, не скрывая их заинтересованности и, самое важное, их информированности. Поэтому Нафиси сам предложил говорить по-фарсидски, вспомнив, что этим языком владеет и гость. Теперь нужно немного подыграть ему и тому, кто, вполне вероятно, слышит их из соседней комнаты.

– У вас есть свои люди в аэропорту, в пограничной страже или в Министерстве иностранных дел? – спросил Дронго. – Хотя наверняка вы мне не ответите, я не сомневаюсь, что есть. Поздравляю, это хорошая работа, агаи Нафиси.

Советник хитро улыбнулся. Кажется, он оценил качество комплимента и понял, почему Дронго чуть повысил голос. Оба были профессионалами, и оба понимали друг друга лучше, чем третий, который слушал их разговор из соседней комнаты.

– Мы – близкие соседи и должны знать, что происходит друг у друга, – пояснил Нафиси. – Вы ведь наверняка знаете, что в нашей стране живет в два раза больше азербайджанцев, чем в независимом Северном Азербайджане.

– В Баку считают, что их там в три раза больше, – поправил своего собеседника Дронго.

– Возможно, – согласился Нафиси, решив не спорить по такому вопросу, хотя в других случаях иранцы с таким количеством азербайджанцев никогда не соглашались. Это была болезненная тема для обоих государств. Разделенный двести лет назад между двумя великими державами – Россией и Персией, азербайджанский народ почти два века мечтал об объединении. Разумеется, подобные планы никак не входили в расчеты руководителей Ирана, ведь подобное объединение означало бы фактическое отторжение почти четверти территории страны с одной третьей его населения. Иранцы предлагали объединяться, присоединяя Северный Азербайджан к Ирану. В отношении проживающих на своей территории азербайджанцев центральное правительство Ирана проводило очень жесткую ассимиляционную политику. Причем это не зависело от того, какой режим был в Иране, – шахская монархия, теократический режим или демократическая республика. Во всех случаях миллионы азербайджанцев не имели ни одной школы на родном языке и соответственно ни одного высшего учебного заведения. Не было журналов и газет, в официальных учреждениях можно было говорить и писать только на фарсидском языке. Оба собеседника хорошо знали эту проблему.

– Мы должны быть в курсе, что происходит у наших близких соседей и друзей, – сообщил, ласково улыбаясь, Нафиси.

– И вы знаете? – быстро уточнил Дронго.

Интересно, что ответит его собеседник, с учетом другого человека, который слышит их разговор? Но Нафиси нелегко было сбить с толку.

– Стараемся, – коротко ответил он.

Но Дронго, решив дожать дипломата, невинным голосом спросил:

– Тогда, может, вы знаете, кто именно стрелял в мсье Шевалье?

– Именно поэтому мы вас и пригласили, уважаемый агаи эксперт, – опять ласково улыбнулся советник, хотя было заметно, что эта улыбка дается ему с трудом. – Мы знаем, что вы приехали сюда не просто так. Вас наверняка убедили в Москве провести независимое расследование этого убийства. Не скрою, что ваше расследование очень интересует и мою страну...

– В таком случае почему вы не прислали своего специалиста? Или вы считаете, что мсье Лелуп и товарищ Никитин справятся лучше ваших сыщиков?

– Я так не говорил, – возразил Нафиси. – Если мы не послали конкретного человека, это совсем не значит, что мы не интересуемся данным преступлением. Вы ведь талантливый эксперт и должны понимать, что мы сумели вас так быстро вычислить только потому, что занимаемся убийством Армана Шевалье очень тщательно и бросили на поиски преступников большие силы. Иначе и быть не могло, ведь это пре-

ступление – откровенный вызов нашему государству. И всем честным людям в наших странах, – быстро добавил он.

– И у вас нет никаких возможных версий?

– Конечно, есть. Не нужно даже гадать. Это либо американцы, либо израильтяне. Первая версия, конечно, Израиль, вторая возможная версия – американцы. Есть еще и третья, при которой они действуют вместе.

– А если вы ошибаетесь? Американцы решили задействовать даже генерального представителя ФБР, чтобы выяснить, кому и зачем понадобилось убийство французского дипломата.

– Это, скорее всего, только игра.

– Как и ваше приглашение сюда, – неожиданно заметил Дронго. – Ведь все может быть гораздо проще – вы сами убрали ненужного вам осведомителя, а теперь пытаетесь убедить меня, что не имеете к этому никакого отношения.

Наступило долгое и неприятное молчание. Нафиси осторожно положил ложечку на тарелку, но она все равно звякнула.

– У вас бурная фантазия, – проговорил наконец советник, на этот раз значительно понизив голос.

– Я назвал всего лишь одну возможную версию, – сказал Дронго, – а подобных версий может быть несколько.

– Мы учтем и это ваше замечание, – пообещал Нафиси.

– Шевалье был слишком хорошим другом?

– Он был просто достаточно понимающим человеком, –

ответил Нафиси, — понимающим, что однополярный мир «Пан Америка» вредит всем, в том числе и его собственному государству.

— Я могу узнать, зачем вы меня пригласили?

— Именно для того, чтобы поговорить с вами о вашем возможном участии в этом расследовании. Судя по всему, вы вернулись в Баку не для того, чтобы вспоминать свою молодость. Сначала вы позвали к себе высокопоставленного сотрудника прокуратуры, а потом поехали в резиденцию российского посла, так что мы можем сделать соответствующие выводы. Вы прилетели сюда для того, чтобы найти убийц французского дипломата. Мы хотим вам помочь всем, чем только можем. Деньгами, связями, людьми. Сделать все, чтобы вы могли успешно провести расследование.

— И ничего не хотите взамен. Неужели такое бескорыстие?

— Я этого не говорил. У нас есть одно условие: вы должны сообщить нам ваши выводы чуть раньше, чем вы сообщите о них кому бы то ни было, даже вашим русским заказчикам или вашим бакинским друзьям. Обратите внимание, мы не требуем от вас никаких гарантий, что вы не сообщите о преступниках другим государствам, мы только хотим быть первыми. И за эту небольшую любезность готовы заплатить вам любой гонорар.

Дронго молчал.

— Сто, двести, триста тысяч. Сколько вы хотите? — продолжал настаивать Нафиси. — Я надеюсь, вы понимаете, как мы

вас уважаем. Это не взятка, это всего лишь предложение о некоторой компенсации ваших расходов и затраченных усилий.

– Уверен, что вы заранее знали, что денег я не возьму, – сказал Дронго.

– Знаем, поэтому я сделал оговорку. Это будет лишь компенсация за ваши усилия...

– Вы должны понимать, что я ничего не могу обещать...

– Конечно, – согласился Нафиси, – но мы позвали вас не только из-за этого. Мы хотим, чтобы вы узнали от нас нашу позицию, которую вам могут сообщить другие, среди которых найдутся и наши враги. Ни мое государство, ни мое правительство, ни наши люди не имеют никакого отношения к этому убийству. Повторяю: Арман Шевалье был нашим другом, и мы скорбим по поводу его смерти.

– Это я уже понял, – кивнул Дронго.

Нафиси поднялся первым. Протянул руку и торжественно заявил:

– Мы будем рассчитывать на ваше понимание.

Когда эксперт ушел, дверь соседней комнаты открылась и на пороге возник посол. Он подошел к стоявшему в задумчивости Нафиси и спросил:

– Что вы о нем думаете?

– Умный, осторожный, внимательный, наблюдательный, сообразительный человек, – ответил Нафиси, – и очень опасный. Конечно, он приехал для проведения параллельного

расследования. Видимо, русские не особенно доверяют даже своему специалисту, которого сюда послали. Хотят подстраховаться, учитывая, что этот человек может связаться с большинством из местных сотрудников, занимающихся этим расследованием.

– Вы по-прежнему считаете, что Шевалье убили по приказу израильтян или американцев?

– Я в этом уверен. И нарочно сделали это у российского посольства, чтобы вдобавок посорить нас с русскими. Мы обязаны вычислить и найти заказчиков и исполнителей этого убийства. Если сумеем их найти и докажем русским, что убийцей были агенты американцев или израильтян, это поможет Москве в торге с Вашингтоном и Тель-Авивом, которые так откровенно хотят начать с нами войну и которых пока сдерживает только позиция Москвы и Пекина.

– А если Дронго не сумеет ничего найти? – предположил посол.

– Тогда будет гораздо легче, – откровенно произнес Нафиси, – обратно он уже не улетит...

– Вы считаете, что эту миссию должны выполнить сотрудники нашего посольства?

– Необязательно. Если он провалится, этого провала ему не простят сами русские. И найдут способ его устранить. Да и французам может не понравиться его самостоятельность. А если всех такой вариант устроит и они самоустроятся, тогда мы сами постараемся сделать так, чтобы он не уехал отсюда,

ничего не найдя. Повторяю: он не просто эксперт, он очень опасный человек.

– Не забывайте, Нафиси, что нас очень волнует позиция официального Баку в возможном военном конфликте Тегерана с Вашингтоном, – нахмурился посол. – От позиции Баку может многое зависеть.

– Я всегда об этом помню.

– И еще фактор Карабаха, – напомнил посол. – Здесь могли работать разведчики, переброшенные из Армении, чтобы дестабилизировать ситуацию в Азербайджане, хотя это исключительно рискованный для Еревана вариант. Мы послали своих сотрудников в Ереван, чтобы уточнить и этот момент.

– Мы проверим все версии, – согласился Нафиси, – и узнаем, кто убил французского консула.

Дронго вышел из здания посольства, спустился по мраморным белым ступенькам. Рядом стояла будка с сотрудником полиции. Его машине не разрешили останавливаться перед посольством, и водитель отъехал достаточно далеко, остановившись за углом. Дронго прошел метров тридцать или сорок, когда увидел свою машину. К его изумлению, водителя в салоне автомобиля не было. Неужели он мог куда-то уйти, недоумевающе подумал Дронго, а подойдя ближе, увидел лежащего на сиденье водителя. Сомнений не оставалось: водитель был либо убит, либо лежал без сознания, упав верхней частью туловища на соседнее сиденье. Дронго быстро

шагнул вперед и раскрыл дверцу.

– Только этого не хватало, – огорченно пробормотал он, нагибаясь к несчастному и пытаясь нащупать пульс. Услышав тихое биение сердца, он тяжело вздохнул: – Жив. Значит, его просто оглушили.

Оглянувшись и поняв, что отсюда машина видна охране иранского посольства, открыл бардачок и обнаружил, что пропало оружие водителя.

– Это уже совсем неприятно, – тихо проговорил он, закрывая дверцу. И только теперь заметил бумагу, лежавшую на коленях оглушенного водителя.

«Не считайте себя умнее всех. Немедленно уезжайте», – было написано по-русски. Дронго еще раз оглянулся по сторонам. Редкие прохожие спешили по делам, никто не смотрел в их сторону. Он снова взглянул на своего водителя. Бедный парень, наверное, он открыл стекло и кто-то чужой, проходивший по улице, сумел незаметно подойти к машине и быстро оглушить его. Нужно вызвать врача, чтобы осмотрел парня, и отвезти его домой. Придется самому сесть за руль, но это неважно, главное – водитель несильно пострадал. Лучше самому отвезти его к врачу, а потом подумать об этой записке и исчезнувшем оружии. Это не просто дурной знак, это очень плохо, что кто-то решил действовать подобным образом. Теперь придется считаться и с этими неизвестными, которые забрали пистолет его водителя и так безжалостно ударили по голове молодого парня.

Глава 5

Он отвез водителя в больницу, которая была недалеко от иранского посольства. Врач проверил пульс и предложил сделать рентгеновский снимок. Сразу объяснил, что с левой стороны на голове у водителя заметная гематома от удара. Но рентгеновский снимок показал, что никаких особых повреждений черепа у водителя нет, его просто оглушили. К счастью, у молодого человека не было и сотрясения мозга. Придя в себя, он так и не сумел вспомнить, что произошло. Кто-то тихо подошел к нему и нанес сильный удар по голове, после чего он упал на сиденье и больше ничего не помнит. Особенно переживал за украденное оружие, и Дронго пришлось его успокаивать, пообещав в понедельник заявить о пропаже в полицию.

Домой он вернулся в четвертом часу утра и сразу позвонил своему другу и напарнику Эдгару Вейдеманису в Москву. Тот ответил уже после второго звонка, очевидно, его мобильный телефон лежал недалеко от кровати.

– Добрый вечер, – начал Дронго, – извини, что приходится тебя беспокоить.

– Уже скоро утро, – пробормотал Эдгар, – а я давно привык к твоим неожиданным звонкам.

– Ты держишь телефон рядом с кроватью? – спросил Дронго. – Учти, что врачи считают это недопустимым, чтобы

не было излучения на твой спящий мозг.

– Надеюсь, ты не из-за этого мне позвонил в четвертом часу утра? – хмыкнул Вейдеманис. – О вреде телефонного излучения я тоже наслышан. Телефон стоит на стуле, который находится в нескольких метрах от моей кровати. Просто, услышав первый звонок, я автоматически вскочил с кровати, а на второй уже ответил, понимая, что ты не будешь звонить просто так.

– Ты правильно понял. Кажется, мне нужна твоя помощь.

– Ясно. Когда вылетать?

– Чем раньше, тем лучше. Закажи билет на утренний рейс. В бизнес-классе всегда бывают места.

– Что случилось? Я думал, в твоём родном городе тебе ничего не угрожает.

– Слишком неопределённая ситуация. Я уже успел побывать у российского посла и в иранском посольстве. Оба разговора были очень интересными и достаточно опасными. А выйдя из иранского посольства, я нашёл своего водителя лежавшим на переднем сиденье...

– Его убили? – встревоженно перебил Дронго Эдгар.

– Нет, до это пока, слава богу, не дошло. Но оглушили и забрали его оружие вместе с документом на право его ношения.

– Странно, – пробормотал Вейдеманис.

– Я тоже считаю, что более чем странно. Учитывая, что я не очень люблю водить машину, тебе придётся временно

заменить моего водителя.

– Ясно. Я закажу билет на первый же утренний рейс, – пообещал Эдгар, – а ты будь осторожнее. Постарайся не выходить из квартиры до моего приезда.

– Не беспокойся. Я сейчас лягу спать и просплю как раз до твоего появления.

– Договорились. И пожалуйста, будь осторожен, – повторил Вейдеманис.

Дронго положил телефон на стол. Если бы водителя просто оглушили, все было бы понятно. Неприятно, опасно, но понятно. Кто-то таким варварским способом хотел напомнить ему об опасности этого расследования. Но у него забрали оружие и документы на этот пистолет, а это гораздо неприятнее и совсем непонятно. Представители зарубежных спецслужб не станут рисковать подобным образом. Ведь оружие зарегистрировано и его легко можно вычислить. Тогда кто и почему? Это явно не израильтяне и не американцы, если, конечно, у них нет своих планов насчет пистолета водителя. И, наконец, это предупреждение, демонстративно написанное по-русски. Неизвестные давали понять, что знают о его приезде из Москвы и встрече в резиденции российского посла. Конечно, это была демонстрация. Но зачем так примитивно и открыто заявлять о своей позиции? Или кто-то хочет таким образом его испугать? Тоже непонятно. Ведь те, кто следил за ним, должны понимать, что он не начинающий дилетант и даже не обычный следователь, а эксперт с миро-

вым именем, который может использовать их ошибку, попытавшись их вычислить.

Дронго взял лист бумаги и написал имя Армана Шевалье. Одна линия связывает его с иранским посольством, другая – с российским, рядом с которым он был убит, третья, разумеется, с французским. И здесь должны быть еще какие-то связи. Возможно, с американцами, англичанами, израильянами. Не нужно гадать на кофейной гуще, а уже завтра утром найти этого французского гостя мсье Лелупа и переговорить с ним. Он отправился принимать душ, чувствуя, как нарастает в душе беспокойство. Спал примерно до полудня, когда раздался телефонный звонок и прилетевший Вейдеманис сообщил ему, что их самолет только что произвел посадку в аэропорту имени Гейдара Алиева.

Примерно через сорок минут Эдгар был уже в квартире Дронго и сидел на кухне в ожидании своего любимого крепкого кофе. Дронго держал его специально для друзей. Сам он предпочитал разные сорта чая, среди которых были не только зеленые травяные, но и с чабрецом, гвоздикой, розами, одним словом, разные сорта, которые он умудрялся привозить из различных стран. Дронго подробно рассказал своему другу о разговорах сначала с Асланом Самедовым, затем в резиденции российского посла и, наконец, о встрече с Зохрабом Нафиси.

– Неприятная ситуация, – согласился Вейдеманис, – я был уверен, что ты спокойно прилетишь сюда и вернешься уже

через два-три дня в Москву. Мне казалось, что Баку – самое спокойное место, где ты можешь позволить себе расслабиться и немного отдохнуть.

– Если начну расслабляться, то следующий удар будет по моей голове, – нахмурился Дронго. – Давай договоримся так: ты поселишься у меня в квартире и будешь жить со мной. Кстати, в доме есть оружие. У меня два именных пистолета, на которые есть оформленные разрешения, и шестизарядный карабин, который тоже официально зарегистрирован.

– Первый раз в жизни слышу от тебя, что нам нужно оружие, – признался Эдгар, – обычно ты не признаешь оружие, считая его последним аргументом слабейшей стороны. Насколько я помню, ты привык решать все эти вопросы силой своего интеллекта.

– Это не тот случай, – пробормотал Дронго, – мы имеем дело не с маньяком, которого можно вычислить, не с убийцей, убивающим ради личной наживы и денег, не с проходимцем, готовым на все ради собственной выгоды. За каждым из моих собеседников стояли государственные интересы, даже за моим товарищем Асланом Самедовым. Поэтому здесь возможны любые неожиданности и любые неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.